

**ДОСТОИНСТВО, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ –
СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ:
ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ПРОЧТЕНИЯ**

Л. Ф. Евменов,

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси

В преамбуле Всеобщей декларации прав человека утверждается вера в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности. Уже в ее первой статье делается оптимистическое заявление: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [7, с. 1].

Как ни странно, этот не оправданный реальной действительностью политический оптимизм порождает у некоторых исследователей обратную ему идею исторической асимметрии прав и достоинства человека. Но именно история их *про-явления*, их генезиса и развития как явлений дает основания для сомнений в асимметрии этих понятий.

Об этом говорит то, что «философское понятие человеческого достоинства, проступавшее уже в текстах античности и поднятое Кантом до понимания значимого по сей день» [10, с. 67], *немыслимо без реализации* фундаментальных прав человека, становящихся сегодня в правочеловеческих актах ООН, ЮНЕСКО, Международной организации труда основой «*всеобщего законодательства*» (Кант).

Штрихи антропологического генезиса

В философской энциклопедии 1962 г. сказано: «Чувство собственного достоинства зарождается уже в родовом обществе» [9, с. 59].

Именно тогда, в родовом обществе, многие десятки тысячелетий тому назад проточеловек начал изготавливать шлифованные кремневые орудия труда и охоты, орудия защиты от враждебных родов и племен, приручал огонь, создавал условия для выживания: добыча пищи, domestикация диких животных и растений, строительство примитивных укрытий и жилищ для бытия рода [2].

Для первобытного человеческого существа основой жизни был просыпающийся, формирующийся, развивающийся практический разум, решающий сложные задачи его творческой деятельности, для которой были характерны: изобретательность, креативность, огромное трудолюбие и трудоспособность.

На территории Беларуси это могло проявиться с появлением «человека разумного» типа кроманьонца (40–35 тыс. лет назад); со стоянкой первобытного человека, найденной возле д. Юровичи Калинковичского района, сохранившей остатки жилищ, следы разведения огня, орудий труда из кремня и кости (24 тыс. лет до н. э.). Следы domestикации диких животных и растений (обнаруживаются начиная с IV–III тыс. лет до н. э.). Изделия из меди и бронзы, кремневые топоры, бронзовые орудия земледелия, железные рыболовные крючки, плоскодонная глиняная посуда, наконечники стрел и копий и т. д. найдены в других местах нашей республики: на Полесье, у деревень Осовец Бешенковичского района, Катериничи Островецкого района, Асаревичи Брагинского района, Отвержичи Столинского района (III–II тыс. лет до н. э.), во многих иных местах каждого региона страны [1].

С трудовой деятельностью первобытных предков связано рождение первых социально-нравственных начал – явлений *самоуважения и уважения* сородичей, соплеменников; *притязание* на владение сотворенными «изобретениями»; явления *ответственности* за сохранение, умножение и совершенствование орудий и условий выживания, за передачу опыта и знаний поднимавшимся на ноги поколениям.

Сегодня мы можем говорить об осознании нашим первобытным предком самоуважения человека и уважения к человеку как о первоосновах явления и понятия *достоинства человека*. О притязаниях на владение как о первооснове явлений и понятий «право» и «права человека». О заботе «серийного» производства орудий и условий для выживания в борьбе с природой как об ответственности, являющейся первоосновой явлений и понятий долга, обязанности человека и человеческой личности.

Вполне правомерной может быть идея о том, что развитие этих основных качеств становления социального бытия шло следующими связками: *самоуважение – уважение – честь – достоинство; притязание на владение – владение (собственность) – право и права человека; ответственность – долг – обязанность*.

Бесспорен тот факт, что между явлениями этих групп мироощущений (ответственность, долг, обязанность, к примеру) лежат многие тысячелетия, но сами понятия и слова появляются исторически недавно и практически в одно время: между X и началом XIII в. н. э., в европейском ареале цивилизации, в так называемой Латинской культуре, которая в силу разнотемпового развития народов оказывается впереди в негласном их соревновании.

Для подтверждения этой мысли обратимся к энциклопедическому словарю современной Франции «Petit Robert», в котором дается аналитико-синтетическое описание этих категорий и отмечается время их появления.

Первая связка: **уважение** (le respect – начало XIII ст.),

честь (le honneur – конец XII ст.),

достоинство (la dignité – конец XI ст.).

Вторая связка: **притязание** (la pretention, preter – начало XII ст.),

владение (собственность) (la possession, la propriété –

начало XII ст.),

право, права человека (le droit, les droits de L'homme – XII –

начало XIII ст.).

Третья связка: **ответственность** (la responsabilité – начало XIII ст.),

долг (le devoir – конец XII ст.),

обязанность (L'obligation – начало XIII ст.) [11].

Учитывая, что «Petit Robert» говорит о появлении слова и понятия *письменность* (l'écriture – «воспроизведение слова и мысли в знаках») в латинских источниках, относя их к 1050 г., можно сделать вывод о том, что слова и понятия *уважение, честь, достоинство, притязания, владение, право, права человека, ответственность, долг, обязанность* созревали еще в дописьменном обиходе по крайней мере на многие столетия и тысячелетия раньше XI–XIII вв. н. э.

Все эти явления и понятия дают представление о вещах, которые соответствуют их пониманию Иммануилом Кантом, значимому по сей день. Они суть категорические императивы. Каждое из них является «фактом разума», «голосом разума» в сознании каждого не только человека, но всех «разумных существ». Они являются «нравственным законом» «чистого практического разума», законом, который представляет собой императив, категорическое повеление разума, принуждающее к поступкам. Он, этот моральный закон чистого практического разума, принуждает «поступать так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [6, с. 347].

Этот вывод блестяще по форме и глубоко по содержанию подтверждается самим Кантом.

Практический разум «предписывает сделать высшим *жизненным принципом* всякой моральности в человеке мысль о долге, усмиряющую всякое *высокомерие* и всякое пустое *самолюбие*» [6, с. 413].

«Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного... ты требуешь подчинения... ты только устанавливаешь *закон*, который сам собой

проникает в душу... – где же твой, *достойный* тебя источник и где корни твоего благородного происхождения... и откуда возникают условия того *достоинства*, которое люди могут дать себе» (выделено нами. – Л. Е.) [6, с. 413]. На часть этого вопроса (об источниках и корнях) Кант дает ответ: *достоинство*, которое «люди могут дать себе», отражается категориями *обязанность* и *долг*. Однако на главную часть вопроса об *условиях* появления этого явления и понятия у Канта ответа не находим. А условия, порождающие категорические императивы, и в частности достоинство человеческой личности, – это ее *креативная творящая деятельность* (рис. 1).

Анализируя рис. 1, следует, очевидно, остановиться на некоторых возникающих вопросах. Первый – о степени категоричности велений разума в предложенных двух сферах императивов, называемых Кантом по-разному: категорические императивы (к ним мы относим ДОСТОИНСТВО – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – ОБЯЗАННОСТИ) и нравственные законы (к ним мы относим креативность, трудолюбие, правду, совесть, справедливость, толерантность, сострадание, дружбу, любовь и ряд других явлений и понятий).

Думается, что оба названия в обеих сферах демонстрирует одинаковую и обязательную категоричность. Хотя бы потому, что, по мнению И. Канта, категорические императивы, нравственные императивы, нравственные законы отражают одно и то же явление: ВЕЛЕНИЯ РАЗУМА, принуждающие человека к определенным поступкам, поведению. Императив – это «правило, которое характеризуется долженствованием, выражающим объективное принуждение к поступку...» [6, с. 332]. «Моральный закон... есть императив, который повелевает категорически... под названием обязанности, которая означает принуждение к поступкам, хотя принуждение одним лишь разумом и его объективным законом, и которая называется поэтому *долгом*» [6, с. 349]. Разница этих двух видов императивов лишь в том, по нашему мнению, что достоинство, права и обязанности человека следует отнести к главным, *основным категорическим императивам*, а все остальное, расположенное в центре рисунка, следовало бы отнести к сопутствующим, лежащим в основе возникновения главных, являясь социально-нравственной опорой их реализации. Здесь нельзя не вспомнить идею Юргена Хабермаса о моральной укорененности достоинства и прав человека [10, с. 68].

Второй вопрос – о природе конкретных явлений и понятий, составляющих содержание категорических императивов и нрав-

Рис. 1

ственных законов. Все названные выше категории вместе взятые и каждая в отдельности имеют, по нашему убеждению, социальную, нравственную и правовую (правочеловеческую) природу. Кант говорил о «максиме воли» и о необходимости превращения ее во «всеобщее законодательство» как об основном законе чистого практического разума. Не случайны в этом плане и мысли Ю. Хабермаса о том, что права человека «одновременно обращены и к праву, и к морали», что права человека «объемлют ту часть просвещенной морали, которая переведена на язык политической действительности», о том, что благодаря «внутренней связи между достоинством человека и правами человека было достигнуто такое взрывное по силе подсоединение морали к медиуму права, в котором издавна нуждалась конструкция более справедливого политического порядка» [10, с. 68–70].

Корни этой природы в них неразрывно переплетены. Они внутренне присутствуют в каждом явлении и понятии, означенном выше. Может быть только в разной степени. Если, к примеру, в императивах *достоинство, долг, совесть, дружба, любовь* в большей степени представлены морально-нравственные начала, то в категориях *трудолюбие, обязанность, ответственность, справедливость* сильнее выступают социальные и правовые начала. Хотя и они, в зависимости от конкретных условий, могут быть представлены как моральные, этические категории и нормы.

Они, повторим это, суть внутреннее друг друга. Эта особенность отмеченных выше категорических императивов хорошо прослеживается в энциклопедическом словаре «Petit Robert». Определяя слова, наряду с основными значениями, словарь вводит в них ряд других слов, отражающих истоки и пути реализации основного слова, которое переводится, по существу, в широкую философскую категорию. Так трактовка достоинства связывается с уважением,

самоуважением, честью и совестью. Обязанности – с ответственностью, честью и совестью. Уважения – с самоуважением, честью и достоинством. Долга – с уважением, ответственностью, справедливостью и обязанностью [11].

Рассуждая об этом, нельзя не вспомнить основное положение философии конвергенции – схождение различий и противоположностей вплоть до их тождества. Все означенные явления и понятия сходятся, стремясь к тождеству, и по горизонтали, и по вертикали, и по диагонали отношений, все они становятся внутренними элементами друг друга и главной категории достоинства человека (рис. 2).

Рис. 2

Структура, качественные особенности

Вернемся к Международным пактам о правах человека 1966 г. В их преамбуле утверждается: «Признание *достоинства*, присущего *всем членам человеческой семьи и равных неотъемлемых прав*» является «*основой свободы и справедливости*» (выделено нами. – Л. Е.) [11, с. 15].

Обратим внимание на понятие «*все члены человеческой семьи*». Каких членов человеческой семьи объединяют категории *достоинства* и «*равных неотъемлемых прав*»? Отвечая на этот вопрос, мы должны выделить: конкретного человека, другого конкретного человека, коллективные групповые объединения людей (семья, род, племя, этнос, народ, нация, политические и профессиональные группы), «человека вообще», абстрактного человека, как коллективного субъекта креативной деятельности, творящего культуру и человеческую цивилизацию. Так, по нашему мнению, должна выглядеть структура категорических императивов, сотворенных сознанием человека, как проявлением разума в нем (рис. 3).

Каковы качественные особенности категорических императивов достоинства, прав и обязанностей, демонстрируемых на рис. 3? Во-первых, их объективная *всеобщность*: они как «факт разума» охватывают в социальном мире всех и каждого вне их желания или нежелания.

Во-вторых, наличие достоинства, прав и обязанностей человека отражается как «факт разума» в сознании и самосознании людей.

В-третьих, рис. 3 демонстрирует, что *конкретный человек* и *конкретный другой* являются основными, главными субъектами, ядром проблем и забот социального организма на Земле, потому что они или не обладают равными и неотъемлемыми правами, а значит и равным, и неотъемлемым достоинством, или обладают ими в неодинаковой (обедненной) степени с другими.

В-четвертых, рис. 3 свидетельствует, что эта ситуация является и онтологической основой противоречий, противоположностей в человеческом обществе, сталкивающих в борьбе за права и конкретных людей, и конкретные социальные группы, включая в первую очередь гражданина и государство, а также государства с другими государствами. Недаром Ю. Хабермас считает, что права человека, морально заряженные явлением поправленного достоинства, представляют собой «катализатор» и «взрывную силу» [10, с. 68].

Рис. 3

В-пятых, рис. 3 демонстрирует вместе с тем онтологическое единство и возможность реализации *схождения* различий, противоположностей Я – ДРУГОГО – СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ, единства, которое может доходить до тождества противоположностей, до снятия антагонизмов между ними. Вспомним идею Хабермаса о том, что достоинство, оплодотворенное правом, представляет собой уже не «взрывную силу», а связующее звено схождения морали и права [10, с. 69].

В-шестых, понятие *человек вообще, абстрактный человек* включает в себя явления всеобщности, уникальности моральных и социальных качеств достоинства, прав в человеческом обществе, где прописанное в конституциях и правочеловеческих актах ООН является одинаковым, желательным и обязательным для всех и каждого.

Кроме того, рис. 3 позволяет понять то, что внутренним двигателем данного единства является противоречие между абстрактным человеком как моделью творца, представителя человеческой цивилизации, полностью интегрирующим в себя понятие достоинства личности, и всяким конкретным человеком, входящим в историю и покидающим ее. Человеком, который в каждом новом поколении должен трудом и борьбой всякий раз заново добывать достоинство, впитывать культуру, интегрируя в себя их реальные объективные сущностные признаки, принадлежащие его ближайшему сообществу, его этническому роду и роду *Homo sapiens* в целом.

В первом случае (абстрактный человек) мы с полным правом на истинность вслед за основополагающими международными актами о правах человека говорим, например, о равенстве всех людей в их достоинстве как об объективной реальности. Абсолютно соглашаемся с Хабермасом, что в этом случае мы имеем дело с «*абсолютным значением*», с «*высшим рангом человеческого достоинства*», которое должно быть «на службе *интегративной концепции* (науки. – Л. Е.) прав человека, которая пока еще не построена», что достоинство человеческой личности – это сейсмограф, «который должен дать гражданам политическую общность», это «портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право», «это понятийный шарнир, который сочленяет мораль равного уважения к каждому с позитивным правом и демократическими правами деклараций» [10, с. 69–70].

Во втором случае (конкретный человек, который в каждом новом поколении должен трудом и борьбой добывать достоинство) мы обязаны (вынуждены, если угодно) констатировать отсутствие реального равенства достоинства у каждого конкретного, объективно и материально существующего человека и заявлять *о правах* этого реального конкретного, объективно и материально существующего человека на *достоинство, уважение, гарантирование, обеспечение, охрану, защиту, реализацию* как об условиях превращения возможного достоинства в действительное, реально и объективно существующее.

Здесь мы уже ведем речь не столько о достоинстве человека как творца культуры и человеческой земной цивилизации, сколько о серии конкретных

прав, реализующих каждую клеточку его достоинства и как конкретного Ивана, Шварца, Дюпона, и как представителя и творца реального человеческого общества. В первом случае (*абстрактный человек*) мы еще имеем дело с абстрактным запросом тождества явлений достоинства человеческой личности и прав человека. Во втором (*конкретный человек*) – уже с реализующимся или стремящимся к реализации тождеством достоинства и прав человека.

Вот почему, по нашему мнению, следовало бы подправить мысль, неоднократно повторенную в разных международных правовых актах: «Права вытекают из присущего человеческой личности достоинства» [8, с. 5, 13]. Безусловно, права человека вытекают из *попранного достоинства личности*. «Апелляция к правам человека питается возмущением униженных и оскорбленных по поводу попражнения их человеческого достоинства» [10, с. 67]. Но, думается, не менее безусловным является и то, что *реализованные права человека* оказывают решающее влияние на формирование самого феномена достоинства человека. В условиях уважения, гарантирования, защиты, обеспечения и, главное, реализации прав человека личность находится в состоянии прогрессирующего возвышения и совершенствования, углубления своего достоинства. В условиях же «пренебрежения и презрения к правам человека» [7, с. 1], в условиях их обеднения и умаления, их произвольного ограничения и отчуждения личность находится в состоянии прогрессирующего унижения, подавления и распада феномена своего достоинства.

Достоинство личности как источник прав человека и права человека как источник его достоинства – таков *regretum mobile* развития (возвышения или деградации) каждой конкретной личности как главной составляющей социального уровня бытия, являющего собой диалектический сплав обоюдоактивных материи и духа – мир мыслящей и творящей материи, мир человека.

Таким образом, достоинство человеческой личности как явление и понятие находится в постоянном развитии, совершенствуясь и углубляясь; это развитие «может вести к *РАСШИРЕНИЮ нормативного содержания уже признанных базисных прав, а также к открытию и конструированию НОВЫХ базисных прав*» (выделено нами. – Л. Е.) [10, с. 69]. Подтверждение тому – огромное количество научных публикаций в Германии, Великобритании, Франции, США, Беларуси, ставящих вопросы «расширения *нормативного содержания уже признанных базисных прав*», и «Хартия основанных прав человека» Европейского союза, предпринявшая попытку «открытия и конструирования новых базисных прав человека».

То, что *делает* человек (креативная деятельность), что он *может* (уровень креативности) в своей творящей деятельности – эти основания его социального бытия свидетельствуют в первую очередь о наличии в его сознании «факта разума», осознании качеств его существа *другим* и *группой*, его социальной принадлежности. Думается, это абсолютная истина. Она объективна и всеобща, вне зависимости от различных ситуаций. И она же ставит под вопрос выдвинутое Кантом положение об *априорности категорических императивов*

(в данном случае достоинства, прав человека, его обязанностей) и других императивов (ответственность, совесть, выбор, правда, толерантность и т. д.) как должностности к поведению. Великий Кант здесь не был прав. Об этом говорит и тот факт, что он, считая все эти категории априорными, относит их вместе с тем к *практическому разуму*. До опыта человека они не могут возникнуть. Вне его многотрудного опыта они не могут появиться. Без его опыта практики они не могут состояться как факт сознания человека, как проявления его «практического разума». Из этого вытекает, что главным в становлении и развитии достоинства человека как категорического императива является *разум и креативная, творящая деятельность*.

Изложенное позволяет сделать выводы:

достоинство личности имеет в качестве своего истока разум и креативную творящую деятельность человека, выраженную в создании культуры и человеческой цивилизации;

права и обязанности человека как понятия и явления вытекают из моральных оснований достоинства личности;

реализация прав и обязанностей человека расширяет, возвышает, углубляет уже добытое им достоинство.

Конвергенция явлений и понятий

И вновь начнем с повторения. В международных пактах, в их преамбулах утверждается: «Права вытекают из присущего человеческой личности достоинства» [8, с. 5, 13].

Профессор Ю. Хабермас в статье «Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека», повторяя пакты, пишет, что человеческое достоинство это «моральный «исток», который по содержанию питает все базисные права» [10, с. 68].

Но что такое достоинство человеческой личности?

В этой статье он говорит о нем только как об *идее*, точнее, как о моральной идее, как о *понятии*, которое является истоком другой идеи, другого понятия – идеи и понятия прав человека. Не случайно он постоянно повторяет, что «идея прав человека получает дополнительную моральную загрузку в виде *понятия* человеческого достоинства», о «моральной загрузке *идеи прав человека* через *понятия его достоинства*», что «тесная связь между этими концептами существует от начала» (выделено нами. – Л. Е.) [10, с. 67]. Но идея и понятие достоинства человеческой личности отражают нечто более сложное, более емкое, более важное, т. е. *явление* достоинства личности. Не случайно ведь, что, не вполне осознавая, но чувствуя, ощущая присутствие чего-то определяющего в онтологической иерархии становления достоинства личности, он задается вопросом: «Есть ли «человеческое достоинство» выражение для содержательного нормативного понятия... или это все лишь пустое, еще не заполненное обозначение» [10, с. 68].

Действительно, что представляет собой достоинство личности? Это только идея? Это только понятие? Только деятельность определенного качества или нечто тройственное, вместе взятое? Думается, что научное понятие и научное понимание явления достоинства человека должны строиться на принципе схождения, конвергенции, доходящих до тождества этих различных элементов.

На этой основе представляется, что явление достоинства человека можно именовать мироощущением, философской категорией, включающей в себя и идею, и понятие, и деятельность высокого социально-нравственного накала. Точнее говоря, достоинство человеческой личности есть ее мироощущение как творца «второй природы» (Ф. Энгельс), т. е. как творца культуры, как творца человеческой цивилизации, не имеющей эквивалента в окружающем мире. Именно в качестве творца человек выступает как такое нечто, которое причастно явлению разума и сознания, созданию наук и мировоззрений, формированию национальных языков, письменности и искусства, появлению плюрализма и свободы, возникновению социальной сферы и экономики, семьи, этносов и наций, государств, политики и права, морали и нравственности, идеи Бога и религий, других явлений. Именно как творец всего социально существующего он делает себя достойным уважения, творит свое достоинство и создает основания для притязаний на сотворенное и долженствования всему сотворенному: это притязания и долженствования, выраженные системой сотворенных им же фундаментальных прав и обязанностей. Именно в этом смысле «человеческое достоинство» следует считать не просто классифицирующим выражением, своего рода муляжом..., но моральным «источком», который по содержанию питает все базисные права» [10, с. 68].

Говоря о достоинстве личности, о правах и обязанностях человека как социально-нравственных категориях, мы должны подчеркнуть, что понятию и явлению *обязанности* человека в философской, этической и правовой литературе уделяется совсем немного внимания. Не вызывает оно достойного внимания у пишущей и анализирующей проблемы публики, что сказывается и на текстах международного права. К примеру, во Всеобщей декларации прав человека понятие «обязанность» встречается только два раза – в ст. 10 и 29.

Но права человека как явление не существуют без обязанностей, а обязанности без прав. Это значит, что как понятия, как категории мышления они должны идти в конвергенционной триаде: *права, обязанности = достоинство*. Их схождение вплоть до тождества – это закон диалектики социального бытия как единства его нравственных, социальных и правовых аспектов.

Обратимся к определениям.

Права человека – это притязания человека к самому себе, другому, обществу и государству и долженствование человека самому себе и другому, обществу и государству, выраженные нормами моральных обычаев и нормами права. Уже это определение говорит о том, что права человека есть единство притязаний человека к своему творению («Я имею право») и обязанностей, долга

своему творцу. «Я обязан, должен самому себе, другому, обществу и государству». Единство прав и обязанностей – в самих правах человека.

Обязанности человека – это долженствование человека самому себе, другому, обществу, государству и его притязания к обществу, государству и другому, выраженные нормами моральных обычаев и нормами права [5, с. 44].

И наконец определение достоинства человеческой личности: это ее мироощущение как творца человеческой цивилизации, выражающееся в притязаниях и долженствовании окружающей действительности, государству, обществу, себе самому и другому, обнаруживающееся в чувствах, идеях и понятиях, действиях и поступках.

Определения свидетельствуют о том, что *обязанности человека есть единство долга и притязаний человека перед самим собой, другим, обществом и государством*. Точнее говоря, речь здесь следует вести о *единстве* обязанностей и прав в самих обязанностях человека, об их единстве «*доходящем до тождества*» в итоговой категории достоинства человеческой личности.

Изложенное дает основание для утверждения, что в любых политико-экономических и социально-культурных системах *права человека просто не существуют без его обязанностей*. И наоборот. Более того, они суть внутреннее друг друга. *Обязанности есть внутренний источник реализации, движения и развития прав человека, а права человека – внутренний источник реализации обязанностей*. И оба эти явления порождают достоинство личности. Заметим при этом, что в качестве внутреннего ядра, реактора этой конвергенции выступают два явления и два понятия: *притязание и долженствование: ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕКУ*. Однако эта мысль требует уточнения: в правах человека превалируют притязания, в обязанностях превалирует долг, в достоинстве обе эти стороны равносильны и равнозначны.

Только *обязанности* в их диалектической связи и интеграции с правами превращают человека из пассивного и унижающего достоинство личности бенефициария (термин модный и широко используемый в современной международной идеологии прав человека) в активного субъекта реализации своих прав. А реализованные права человека совершенствуют, возвышают его обязанности, что ведет в итоге к возвышению социально-нравственной ценности конкретной личности: ее свобода и достоинство освящаются ярким факелом служения долгу и самопожертвования во имя дружбы и любви, во имя благополучия других людей, Родины и человечества. Только реализуя обязанности (перед самим собой, другим, социальной группой, государством, обществом, нацией, народом – перед человечеством), человек может реализовать свои права. Только реализуя свои фундаментальные права (на жизнь, свободу, самоопределение, развитие), человек может облагородить и возвысить свои обязанности – свою ценность, свое достоинство. Более того, создается впечатление, что только при исполнении ДОЛГА как категорического веления разума, долга, становящегося не только правовой, но и моральной обязанностью, возможна реализация достоинства человека и личности.

Здесь следует подчеркнуть важнейшую качественную особенность явления *обязанность*. В системе прав человека она выступает как *главный, объективный, универсальный ОГРАНИЧИТЕЛЬ* произвольных прав. Только права творца, поддерживающего, стимулирующего, развивающего, совершенствующего человеческую культуру и цивилизацию, могут считаться правами человека. Морально ущербные пожелания, устремления нездорового сознания, ведущие к антиподам достоинства, к оживотнению, бестиализации человека, не могут обретать статуса прав человека. Первой и главной преградой на их пути является феномен ОБЯЗАННОСТИ.

Основополагающие международные акты о правах человека не трактуют таким образом эти проблемы. Они к подобным трактовкам даже не приближаются. Более того, является очевидным, что эти две стратегические стороны *общественной* жизни человека в них фактически оторваны друг от друга. Ведь только через 50 лет после принятия Всеобщей декларации прав человека, где лишь дважды в ст. 10 и 29 идет речь об обязанностях человека, принимается специальная «Декларация о праве и обязанностях отдельных лиц, групп и органов поощрять и защищать общепринятые права человека и основные свободы» [3]. Но представляется абсолютной истиной идея о том, что только при безусловной реализации своих обязанностей человек способен реализовать свои права, свое достоинство; государство способно их гарантировать и защитить, а Организация Объединенных Наций создавать атмосферу их универсального признания и всеобщего уважения.

Разумеется, данные соображения претендуют на истинность лишь в условиях нормального, цивилизованного функционирования общества, т. е. в условиях гармонии, согласия, равенства и диалектического баланса, в процессе конвергенции прав, обязанностей и достоинства человека, другого, социальных групп, государства. Или устойчивого стремления к данному состоянию, т. е. в условиях плюралистической демократии или целенаправленного движения к ней.

В этом плане мы не можем обойти вниманием явления разрыва органического единства прав и обязанностей и растягивания его сторон по различным геополитическим образованиям. Суммируя высказывания ученых, дипломатов, политиков, можно сказать, что традиционная культура Запада базируется на идее субъективных прав человека, не-Запада – на обязанностях.

Естественно, что у тех, кто представляет опыт различных частей расслоенного и разъединенного человечества, системы и принципы взглядов могут быть различными. В данном случае одни акцентируют внимание на культуре прав человека, другие – на культуре обязанностей и долга, многочисленные третьи – на их различных, смешанных вариантах. Может быть, именно за последними – сама ищущая себя истина. Истина и будущее. Но нет пропасти, подчеркнем это еще раз, между культурой прав человека и культурой его обязанностей и долга. Реализация достоинства тесно связана с обеими культура-

ми. Это две грани одного бесценного саморodka, имя которому – достоинство человеческой личности.

Именно поэтому, если Запад будет по-прежнему игнорировать в международных актах и идеологии культуру обязанностей и долга человека, он лишится ценнейшего исторического и героического опыта этой культуры и неизбежно обесценит сокровищницу достоинства человека. Если же не-Запад будет по-прежнему игнорировать культуру прав человека, он также лишится ценнейшего исторического опыта этой культуры и неизбежно обеднит сокровищницу свободы и достоинства человека.

Таким образом, *права, обязанности и достоинство* человека – это сфера специфических отношений человека и *другого*, человека и гражданина; человека, гражданина и социальной группы; человека, гражданина и государства; это постоянное движение, *стремящееся к балансу и равновесию, конвергенции данных различий и противоположений*.

Совершенно очевидно, что в достоинстве, правах и обязанностях человека, в других, сопутствующих им, социально-нравственных явлениях и понятиях (правда, ответственность, совесть, выбор, толерантность, любовь, сострадание и т. д.) мы наблюдаем конвергенцию *чистого и практического разума*, реализацию *нравственных* законов, выраженную категорическими императивами, т. е. *абсолютными велениями разума* к должностованию, которое побуждает к поведению высокого социального и нравственного напряжения (рис. 4).

Не случайно Кант связывает категорические императивы с такими качествами, как всеобщность, объективность, безусловность: *они одинаковы для всех, обязательны для каждого в любой ситуации*.

Обратная логика и онтологические основания достоинства человека

Если история как наука занимается нащупыванием конкретной логики прошлых эпох и тысячелетий путем «обратного отсчета», социология – логики современных событий, футурология, которой занимаются представители разных наук, пытается предсказать логику событий будущего, то философия в силу своей методологии и универсальности вторгается во все этапы человеческого развития.

В данном случае для философа предпочтительнее вместо «обратного отсчета» понятие «обратная логика»: логика основных путей исторического становления человека, его разума, сознания, его творческой человеческой мир деятельности, становления их тончайшей материи – явления *достоинства человека*.

Рис. 4

Онтологические основания достоинства человека

Разум	Информация (внешняя)	Чувства	Воля, свобода воли	Труд	Родолеменные образования	Материальные ценности	Собственность	Управление	Уважение ДРУГОГО, ИНОГО – ЧЕМ Я	Идея Бога
Познание	Информация (внутренняя)	Красота как объективное явление	Волеизъявление, целеполагание	Дебестиялизация человека, очеловечивание его отношений	Семья, этнос	Очеловечивание, преобразование окружающего мира	Становление социальных и экономических отношений	Власть	Терпимость, сострадание, соучастие, уважение, дружба, любовь	Постижение идеи Бога
Истина	Слово, язык, письменность	Понятие и творение красоты	Выбор, самоопределение	Социализация	Народ	Удвоение материального мира	Благосостояние	Государство	Понятие и творение добра	Вера
Наука, мировоззрение	Национальные языки	Искусство	Социально-экономический плюрализм, свобода	Общество	Нация	Создание духовного мира человека века	Социальная сфера, экономика	Политика, право	Мораль: долг, совесть, достоинство, и др.	Религии

Следуя этой логике, мы должны вспомнить, что предыстория проточеловека завершается где-то на шлифованных каменных орудиях, приручении огня, domestikации диких растений и животных, а история человека начинается со *слова* его членораздельной речи, с появлением языков, письменности, с первых элементов самосознания *достоинства человека*, человеческой самости, отличающей его от животного существа.

Права Библия, утверждая, что историю человека начинает СЛОВО: «Вначале было СЛОВО, и слово было у Бога, и слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все через Него (слово. – Л. Е.) начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Иоанн, 1: 1–4). Добавим к этому и мироощущение человеческого отличия от всего окружающего мира, мироощущение его превосходства над ним, мироощущение собственного достоинства человека. При этом следует понимать, что становление истории и ее развитие до сегодняшнего дня заняло где-то около 50 тыс. лет [2].

Сегодня, следуя обратной логике, мы должны ответить на два вопроса: чем конкретно и принципиально отличается человеческое существо от других обитающих на Земле существ (от других возможных разумных существ)? Что такое сотворил человек, эквивалента чему нет ни на Земле, ни в ближайшем космосе?

Для понимания этого еще раз обратимся к таблице. Она включает в себя то, что представляют собой эти онтологические основания, что создано разумом и креативной творящей деятельностью человека, как субъекта этой креативности и творения, как субъекта цивилизации.

Стратегическая задача современного человечества – спасти и сохранить *уникальную земную цивилизацию*. Над нею и созданными ею *достоинством* и *достоинствами человека* как никогда ранее нависли серьезнейшие угрозы и вызовы, внутренние и внешние.

Внутренние: а) опасные традиционные массовые заболевания: туберкулез, малярия, чума, холера, СПИД, плюс новое – неумолимо смертоносная эбола; б) антиподы достоинства человека, ведущие к его *оживотнению*, *бестиализации*: педофилия, проявления рабства, торговля людьми, проституция, наркомания и др.; в) новейшие технологии, созданные разумом человека, их возможность в результате увлечения политиков идеями регионального и мирового господства уничтожить все живущее на Земле; г) геноцид, гражданские войны, международный терроризм, ведущие к явлениям массового самоубийства человечества.

Внешние – как бы мстящие нам *природа и космос* за неумеренную гордыню превосходства человека и сотворенного им над всем живым и существующим, которые все настойчивее и сильнее напоминают о хрупкости жизнеустройства и жизнедеятельности человека.

Литература

1. Археалогія Беларусі: энцыкл. – Мінск, 2009. – Т. 1, 2.
2. Даймонд, Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ / Дж. Даймонд. – М.: Corpus, 2012.
3. Декларация о праве и обязанностях отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основных свобод // Права человека: сб. междунар.-прав. док. – Минск: Белфранс, 1999.
4. Евменов, Л. Ф. Геостратегические вызовы и угрозы глобализирующегося мира: методологические ориентиры... / Л. Ф. Евменов // Международное право и международные отношения. – Минск, 2013.
5. Евменов, Л. Ф. Право быть человеком: курс лекций / Л. Ф. Евменов. – Минск: Бип-С, 2003.
6. Кант, И. Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1.
7. Международный билль о правах человека. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: сб. междунар.-прав. док.
8. Международный билль о правах человека. Международные пакты о правах человека // Права человека: сб. междунар.-прав. док.
9. Философская энциклопедия: в 5 т. – М., 1962. – Т. 2.
10. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2.
11. Le Petit, Robert (Robert Paul). Dictionnaire de la langue Française / Robert Le Petit. – Paris: Société du nouveau Littré, 1973.